

ИСТОРИЯ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК [94:061.4](470+430)

МУЗЕАЛИЗАЦИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ГЕРМАНИИ И РОССИИ: ЮБИЛЕЙНЫЕ ВЫСТАВКИ МЕЖДУ ГЕРОИКОЙ И ГУМАНИЗМОМ

О. С. Нагорная

Южно-Уральский институт управления и экономики, 454052, г. Челябинск, ул. Комаровского, д. 9а
nagornaja.oxana@mail.ru

На основе материалов российских и немецких музейных выставочных проектов, созданных к 100-летию со дня начала Первой мировой войны, анализируются процессы трансформации культурной памяти о негативном военном опыте в современных обществах, взаимосвязь исторической науки и музейных экспозиций, а также выявляется степень встраиваемости России в европейскую парадигму «постгероической памяти» о войне.

Ключевые слова: Первая мировая война, музейные выставки, культурная память, юбилейная коммеморация.

Ни одна война не заканчивается, когда умолкают пушки: вооруженное противостояние трансформируется в битву мемориальных нарративов, представлений и образов. Причем сражения на данном поле зачастую полностью меняют оценки прошедшей войны: страны, потерпевшие поражение, могут победить в борьбе за ее интерпретацию в коллективной памяти. Примером этого является Германия, проигравшая Первую мировую войну, но, по признанию противников, ставшая безусловным победителем в использовании негативного опыта в процессе ценностной и духовной мобилизации собственного общества. Другим примером, несомненно, является Советская Россия, официально объявившая проигранную войну забытой и вытесненной революцией и победоносной Гражданской войной, однако в полной мере латентно использовавшая опыт Первой мировой войны в сфере дисциплинирования социальных групп, милитаризации экономики и подготовки к возможному конфликту.

Одним из важных хранителей и медиаторов культурной памяти являются музеи. Совмещая функции хранения, изучения и просвещения, они, с одной стороны, отражают современные им дискурсивные практики, с другой – оказывают влияние на эти практики средствами визуализации, толкования, репрезентации исторических явлений, в том числе военных конфликтов. И если деятельность военно-исторических музеев (экспозиций) в западных странах, а также их роль в формировании культурной памяти о войне с недавних пор стали предметом активного изучения [Beil, 2005; Thiemeyer, 2010], то в России это тематическое поле пока мало подвержено научной рефлексии.

Музейные экспозиции и перформативные мероприятия вокруг них являются важным полем коммуникативной и культурной памяти. Как и другие сферы – литература, живопись, фотография, они в большей степени свидетельствуют не столько об изображаемом периоде, сколько о господствующих в среде их создателей и социуме в целом восприятии, представлении и мемориальных традициях. Не случайно один из исследователей музейного ландшафта Германии, Т. Тимайер, охарактеризовал его роль в репрезентации вооруженных конфликтов как «продолжение войны другими средствами» [Thiemeyer, 2010]. О воздействии музейно-выставочных проектов свидетельствует, к примеру, относительно недавняя ситуация, когда немецкая выставка «Преступления вермахта» спровоцировала мощную общественную дискуссию, так называемый «спор историков», и способствовала переоценке национал-социализма. С другой стороны, она способствовала пересмотру подходов к экспозиционированию исторического материала и более осторожному, сугубо научному обращению с атрибутированием визуальных источников.

В данной статье речь пойдет о «юбилейных» выставочных проектах в России и Германии последнего десятилетия, позволяющих реконструировать некоторые актуальные тенденции фор-

мирования культурной памяти о Первой мировой войне. Эти страны выбраны не случайно: в них «в отличие от Великобритании и Франции Великая война в течение десятилетий не относилась к числу краеугольных камней исторической памяти и стала важным сюжетом исторических исследований и общественной дискуссии относительно недавно», отсюда «коллективная память о Первой мировой войне здесь не столько поддерживается, сколько еще формируется или переформируется заново» [Нагорная, Нарский, 2014, с. 14], и музеи в ней играют одну из первостепенных ролей.

В центре исследовательского интереса оказалась разность механизмов инструментализации негативного военного опыта в современных обществах. Уход из жизни свидетелей событий, т.е. непосредственных носителей опыта, а также утрата поколенческой коммуникации между ними и реципиентами их воспоминаний являются одними из важнейших факторов трансформации культурной памяти. В целом постулированное П. Нора превращение истории в память спровоцировало в европейских обществах смену господствующих дискурсов и утверждение так называемой «пост-героической парадигмы памяти» [Mosse, 1990; Winter, 2006], что позволило переключить внимание исследователей и общественности с героев на жертвы и повлиять в том числе на концепции музейных экспозиций. Отсюда российские выставки к юбилею войны являются своеобразным индикатором степени встраивания России в общеевропейский контекст трансформации культурной памяти о Великой войне.

В ходе исследования сравнительному анализу были подвергнуты «юбилейные» выставочные проекты центральных и провинциальных музеев в России и Германии. Критериями сравнения выступили как заявленные концепции выставок и реальный подбор экспонатов, так и степень интерактивности, специфика медийной презентации и работы с целевыми группами. Дополнительным параметром сопоставления стала степень восприятия актуальных исследовательских тенденций: отражение оппозиции тыл – фронт, соотношение национальных и глобальных перспектив, гендерного измерения и эмоциональных режимов. Хочу сразу оговориться, что в статье речь пойдет лишь об общих тенденциях.

Один из исследовательских вопросов – взаимосвязь современной исторической науки и музейной деятельности, в том числе влияние актуальных дискуссий в историографическом ландшафте на концепирование и репрезентацию выставочной деятельности. С точки зрения западной музейной педагогики «музей привязан к необходимости интенсивного диалога с наукой, ибо только историческое, фольклорное и социально-историческое исследование дает те результаты, на которых может базироваться музейная интерпретация предметов и контекстов» [Schaefer, 1993, S. 50]. Однако в российской музейной практике этот принцип соблюдается далеко не всегда.

Обратимся к общепризнанным канонам современной музейной педагогики и ее требованиям к современному историческому музею. По мнению теоретиков, задача музея заключается в том, чтобы задеть нерв широкой публики и способствовать возникновению дискуссии, пригласить зрителя к диалогу и спровоцировать его на спор. Одним из требований к современным музейным выставкам является соблюдение принципа мультиперспективности: исторические события следует представлять исходя из перспективы различных социальных групп (женщина – мужчина, господин – слуга, преступник – жертва – наблюдатель), народностей и наций. Подобный прием дает зрителю возможность идентифицировать себя с одной из перспектив и прочувствовать концепцию экспозиции. Не менее важное условие – представление целевой аудитории пространства для выражения собственного мнения. Музей призван формировать открытый образ истории без навязывания собственной интерпретации событий. Обязательным требованием является индивидуализация: история должна быть отражена в восприятии не только великих личностей, но и «маленького человека» [Pohl, 2012, S. 69–71]. Наконец, создателям выставок рекомендуется тщательно продумывать экспонирование предметов повседневного обихода, ибо от конструируемой авторами экспозиции взаимосвязи этих предметов зависит их трактовка зрителями [Zuendorf, 2012, S.6].

В целом при оценке современной немецкой коммеморации вокруг Первой мировой войны следует отметить, что актуальные тенденции закладываются здесь на рубеже XX и XXI вв. и кристаллизуются к 2004 г. в виде отдельных юбилейных выставок или разделов постоянной экспозиции. Выставки Германского исторического музея в Берлине, созданные к юбилейным датам начала Первой мировой войны – в 2004 [Der Erste Weltkrieg..., 2004] и 2014 гг. [Der Erste Weltkrieg..., 2014], отражают изменения в исследовательском ландшафте. Если к 90-летию войны основой концепции стало понятие культурной памяти разных социальных групп и наций в целом о войне, то в

2014 г. в полный голос заявила о себе набирающая обороты в мировой историографии глобальная история. Связующими звеньями концепции в 2014 г. послужили транснациональные явления: модернизация техники, глобализация экономики, политические и культурные связи, видение будущего, новый миропорядок. При всей разности перспектив обязательными элементами обеих выставок являются внимание к неизвестным солдатам и гражданскому населению, драматический опыт насилия на фронте и в тылу, страх перед смертью и восхищение техницизмом современной войны, традиции индивидуального и коллективного траура. Средствами нагнетания эмоционального накала человеческой трагедии выступают выставочные объекты: суррогаты, изображения изувеченных и инвалидов, протезы, индустриальная техника.

Военно-исторический музей Дрездена, презентация которого в 2011 г. вызвала оживленные дискуссии, так как возвратила в музейное пространство Германии тему войны, в 2014 г. открыл выставку «14 – люди – война» [14 – люди – война..., 2014], особенностью которой стало обращение к жизненным траекториям отдельных лиц, исковерканных этой войной. Подбор тематизируемых судеб был произведен по принципу паритетного соотношения мужчин и женщин, комбатантов и гражданского населения, а также различных национальных перспектив: среди фигурантов и русская женщина – участница боевых действий, и британская писательница, в пятьдесят лет отправившаяся работать медсестрой в Бельгию, и французский мальчик в оккупированной немцами зоне, и двенадцатилетняя немецкая девочка, записывающая происходящее в свой детский дневник, и австралийская актриса, интернированная в Германии по обвинению в шпионаже. Выставка показывает, насколько быстро мировая война превзошла по масштабам все прежние конфликты. Центральной темой экспозиции являются масштаб и формы страданий солдат и гражданского населения, попытки выживания и приспособления к ситуации на фронте и в тылу. Через предметы экспонирования представлены и инструменты придания войне ее ужасающего облика, а через описание их трансформации – связь конфликта с последующей тотализацией военных действий. Так, вагон для перевозки скота, использовавшийся с 1914 г. как военный транспорт, в Первую мировую привозил солдат на фронт и пленных в тыл, а во Вторую мировую – в лагеря уничтожения.

Еще более приближенной к повседневному антропологическому измерению стала выставка в Доме истории Вюртемберга «Страстная пятница ада – Первая мировая война и чувства» [Страстная пятница..., 2014]. Различные измерения военного насилия и ужасов фронта и тыла представляются через образы, звуки артподготовки, вкус заплесневелых фронтowych сухарей и запахи окопов. Объекты скомпонованы в три огромные витрины, отражающие опыт трех измерений войны: фронт, прифронтная зона и тыл, причем все три измерения имеют равное значение. Здесь выставлены извлеченный из тела умирающего немецкого солдата гранатный осколок, который его жена носила впоследствии как подвеску; флакон духов, которым в окопах солдаты пытались приглушить запахи немывтого тела и разлагающихся трупов; трансформатор из психиатрической клиники, с помощью которого лечили психически травмированных на фронте солдат. Эмоциональному накалу восприятия экспозиции способствует впервые представленное публике масштабное собрание писем (1400) немецкого солдата А. Манна, который детально описывает повседневность войны, трансформацию ее индивидуального восприятия. Символическим является отсутствие ответных писем Дейзи Манн, которая сожгла их с целью избавления от своих воспоминаний о «кошмарной войне».

Одной из характерных черт юбилейной коммеморации в Германии является встраивание немецких музейных выставок в более широкое европейское медийное поле. Создание экспозиции в Дрездене сопровождалось съемкой и трансляцией серии документальных фильмов ведущими телеканалами Европы. При этом впервые на документальном экране на первом плане были представлены не политические события и крупные сражения Первой мировой войны, а переживания затронутых ею людей – матерей, отцов, детей. Интернет-портал выставки в Штутгарте предлагает посетителю прожить судьбу одного из частных лиц (мужчина, женщина, ребенок) различных национальностей с помощью простой интерактивной игры. Каждая выставка сопровождается дидактическим материалом для учителей школ.

Излишне говорить о том, что количественный бум коммеморативных мероприятий, в том числе музейных выставок, наблюдаемый в России в нынешнем году, явился реакцией не столько на социальный заказ, сколько на предписание главы государства. Общественность в этой ситуации выступила в качестве приемника транслируемой сверху информации, накладывающейся в большинстве случаев на *tabula rasa*. Одну из особенностей формирования коммеморативного ландшафта

та составляет концентрация на национальной российской перспективе, редко отражающей взгляд сквозь призму союзнического опыта (как, например, выставка Государственного музея политической истории России «Два мира одной войны» [Два мира..., 2014]). И уж совсем исключением является отражение восприятия с другой стороны окопов (из всех центральных выставок лишь экспозиция Мультимедиа Арт-музея «Война, покончившая с миром» [Маркина, С. 20]).

В российском музейном пространстве, как и в германском, можно постулировать смену исторических концепций, но она охватывает скорее хронологические представления, чем методологические подходы. В сравнении с советским метарассказом, представлявшим войну как колыбель нового социалистического государства, большинство современных выставок директивно определяют ее как неожиданный финал Российской империи, причину заката некоего золотого века, что отражается в названиях: «Первая мировая. Последняя битва Российской империи» [Первая мировая..., 2014], «На переломе... Россия в Великой войне, 1914–1918 гг.» [На переломе..., 2014], а также в концептуальных описаниях выставок. К примеру, Государственный исторический музей намеренно конфронтирует с советскими трактовками, провозглашая целью своей выставки «восстановление исторической памяти о войне, которая долгие годы была в нашей стране забыта, а в учебниках истории упоминалась как "империалистическая"» [Первая мировая..., 2014]. Новый Манеж в описании выставки «Взгляни в глаза войны» намеренно избегает всяческого упоминания советского периода истории, начавшегося в указанных хронологических рамках: «В экспозиции представлено около 500 подлинных предметов, среди которых можно увидеть уникальные документы, определившие ход истории XX столетия, в том числе переписку Императора Николая II с европейскими монархами и командующими армиями, дневники Николая II и цесаревича Алексея, прощальный приказ по армии, подписанный последним русским государем, документы Временного правительства, фотографические альбомы императорской семьи и полковые альбомы, знаменитые картины русских и европейских художников, созданные в 1914–1918 годах» [Взгляни в глаза..., 2014]. В самом же описании присутствуют явно ностальгические нотки.

Подбор объектов и источников для многочисленных российских музейных выставок демонстрирует диссонанс актуальных направлений исторических исследований и экспозиционной практики. В качестве доказательства масштабности конфликта и вовлечения стран в передел мира используются плакаты военных займов и сатирические карты. Пропагандистские фотооткрытки периода войны и батальная живопись рассматриваются как «беспристрастное подтверждение трагедии». Подборка журнала «Летопись войны», отражающего заказ военной пропаганды, на нескольких центральных выставках представляется как база для воссоздания истории конфликта. Основу многих выставочных проектов составили агитационные плакаты, транслирующие характерные для того периода образы врага и создающие опасность его переноса на современность в случае некритичного зрительского восприятия. А оно неизбежно возникает при подобном концепировании экспозиций, хотя в исследовательской традиции уже давно общим местом стало утверждение о конструируемом характере подобных источников и их зависимости от господствующего дискурса.

Столь же проблематичным и в немецком, и в российском экспозиционном пространстве видится использование фотографий и кинохроники. Чаще всего данные медиумы привлекаются как иллюстративный фон, который должен создать у зрителя ощущения аутентичности выставки. При этом крайне редко внимание посетителей привлекается к контексту создания источника: авторству, периоду возникновения, цели создания, особенностям технических приемов. Т. Тимайер описывает случаи из немецкой музейной практики, когда кинохроника периода войны просто дополнялась современными постановочными съемками, переведенными в черно-белый формат, и демонстрировалась зрителям без всяких пояснений [Thiemeyer, 2010, S. 291–309]. Подобное пренебрежение концептуальными выводами визуальной антропологии наблюдается и в российском музейном пространстве, что несомненно влияет на процесс складывания определенных кодов культурной памяти о Первой мировой войне. Из всех проанализированных выставок последовательным атрибутированием изображений, в том числе в сети Интернет, занимается только Мультимедиа Арт-музей [Война, покончившая с миром..., 2014].

Однозначное целеполагание российских выставок – попытка найти и продемонстрировать героическую национальную составляющую. И в центре, и в провинции расхожим является упоминание сложившегося в начале войны образа «Второй Отечественной» без представления зрителю краткосрочности бытования этой формулы и процесса его стремительной трансформации. В Госу-

дарственном историческом музее на первый план выводятся изображения георгиевских кавалеров, в основном генералов. Экспонатам, связанным с генералитетом, музей приписывает «огромную ценность», предвосхищая тем самым восприятие зрителя. На выставке в Манеже особо выделяемой создателями частью экспозиции стал раздел «Герои Великой войны», имеющий амбивалентное значение: с одной стороны, авторы выставки считают своей целью «проявить размытый образ неизвестных героев», с другой – в качестве героев здесь фигурируют исключительно комбатанты. Кроме того, подобное семантическое совмещение придает понятию Великой войны глорифицирующий облик, что мешает пониманию ее как великой трагедии, повернувшей ход развития цивилизации. Линию героики продолжает и подчеркнута интерактивная мультимедийная выставка в Новом Манеже: «Сложная драматургия выставки рассказывает о подвигах, вере в победу и стойкости Русской армии, её офицеров и рядовых солдат, позволяет получить представление о наиболее значимых событиях на фронтах, в тылу, в царском дворце и в ставке Верховного главнокомандующего» [Взгляни в глаза..., 2014]. О трагедии фронта и тыла мы не находим здесь ни слова.

Особые трудности возникли у российских провинциальных музеев, располагающихся в городах, которые в годы Первой мировой войны находились в тылу. Отсутствие героической составляющей заставляет использовать клише, понятные зрителям из других однозначно героических контекстов, например, «тыл – фронту», «во славу русского оружия». Так, челябинская выставка «Жизнь на фоне войны» выстраивалась вокруг благотворительной деятельности горожан, экстраполируя ее с отдельных лиц на все население и имитируя таким образом волну патриотического подъема [Жизнь на войне..., 2014]¹. На калининградской выставке «Дорогами войны» [Дорогами войны..., 2014] широко использовались личные документы современников войны, сохраненные потомками, однако представлено лишь героическое или трагико-героическое измерение войны, не упомянуты жертвы среди гражданского населения, не отражена амбивалентная история региона в военные годы. Показательной для российского музейного дискурса явилась вторичность гендерных метаморфоз, спровоцированных первым индустриальным конфликтом. Если даже «женское лицо войны» присутствовало в экспозиции, то и концептуально, и визуально оно было задвинуто на задний план.

Таким образом, и в России, и в Германии наблюдается прямая зависимость музейных проектов к 100-летию начала Первой мировой войны от публичного дискурса. И там и здесь негативный военный опыт инструментализируется с помощью механизмов и средств, найденных в процессе экспонирования Второй мировой войны. Однако если в современной ФРГ выставочные проекты о войне отвечают устойчивой западногерманской традиции «работы над национал-социалистическим прошлым», то в современной России воспевание военных побед как одного из основополагающих государственных символов приводит к противоречивой интеграции в символические поля памяти всех сторон войны, включая сопутствовавший ей политический режим. Отсутствие живых свидетелей, а также поколения, тесно общавшегося с ними, позволяет толковать прошлое исходя из *tabula rasa*, придавая событиям удобные и понятные для современников значения. При этом в случае России эта «чистая доска» создается в том числе искусственно, с помощью устаревшей сегодня формулы «забытая война».

Семантическое и визуальное смещение акцентов в публичных презентациях Первой мировой войны позволяет перекодировать ее смысл как символа начала революционной советской эпохи, превратив его в символ насильственного трагического заката Российской империи. Образцы толкования, принципы выстраивания музейных проектов в России и Германии расходятся. В Западной Европе преобладающим является использование результатов антропологического поворота в исторических исследованиях, которые отражаются в тематизации на выставках субъективного переживания и восприятия войны представителями разных национальных, социальных, гендерных групп, вплоть до отражения их эмоционального фона. В России же, вопреки достаточно развитому направлению исторических исследований, музейные проекты характеризуются глорификацией негативного опыта, исключением общецивилизационных перспектив, зачастую отнесением на второй план античеловеческой природы войны, переживаний некомбатантов (женщин, беженцев, военнопленных, инвалидов), воспроизведением тем самым милитаризованного дискурса, диссонирующего с постгероической парадигмой европейской культурной памяти.

Примечания

¹ В отсутствие специализированной музейной экспозиции в крупном мегаполисе к анализу в нарушение исследовательской матрицы привлечена архивная выставка.

Библиографический список

- 14–Menschen–Krieg // Militaerhistorisches Museum der Bundeswehr. URL: <http://www.mhmbw.de/index.php/sonderausstellungen/14-menschen-krieg> (дата обращения: 16.10.2014).
- Beil Chr.* Der ausgestellte Krieg. Praesentationen des Ersten Weltkriegs 1914–1939. Tuebingen, 2004. 435 S.
- Der Erste Weltkrieg 1914–1918. Ereignis und Erinnerung. Begleitmaterial zur Ausstellung. Berlin, 2004. 63 S.
- Der Erste Weltkrieg. 1914–1918 // Deutsches Historisches Museum. URL: <https://www.dhm.de/ausstellungen/der-erste-weltkrieg.html> (дата обращения: 16.10.2014).
- Die landes Schatten des Ersten Weltkriegs. Zur Ausstellung «Der Erste Weltkrieg 1914–1918. Ereignis und Erinnerung» im Deutschen Historischen Museum // Militaergeschichte. 2004. № 1. S. 4–9.
- Fastnacht der Hoelle. Der Erste Weltkrieg und die Sinne // Haus der Geschichte Wuerttemberg. URL: <http://www.krieg-und-sinne.de/startseite/> (дата обращения: 16.10.2014).
- Mosse G. L.* Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars. New York, 1990. 264 p.
- Pohl K.H.* Darstellung von Zeitgeschichte im Museum. Geschichtstheoretische und museumsspezifische Aspekte // Die Musealisierung der DDR. Wege, Moeglichkeiten und Grenzen der Darstellung von Zeitgeschichte in stadt- und regionalgeschichtlichen Museen / Hg. K. Hammerstein u.a. Berlin, 2012. S. 54–71.
- Schaefer H.* Alltagsgeschichte im geteilten Deutschland. Zur Konzeption und Darstellung im Haus der Geschichte der Bundesrepublik Deutschland // Probleme der Musealisierung der doppelten deutschen Nachkriegsgeschichte / Hg. B. Faulenbach, F.-J. Jelich. Essen, 1993. S. 47–53.
- Thiemeyer Th.* Fortsetzung des Krieges mit anderen Mitteln. Die beiden Weltkriege im Museum. Paderborn, 2010. 367 S.
- Winter J.* Remembering War. The Great War between Memory and Historia in the Twentieth Century. New Haven; London, 2006. 352p.
- Zuendorf I.* Vitrine oder Wuehltisch. DDR–Alltagsgeschichte in Museum // Die Musealisierung der DDR. Wege, Moeglichkeiten und Grenzen der Darstellung von Zeitgeschichte in stadt- und regionalgeschichtlichen Museen / Hg. K. Hammerstein u.a. Berlin, 2012. S. 96–109.
- Взгляни в глаза войны // Новый Манеж. URL: <http://moscowmanege.ru/ru/vzglyani-v-glaza-voyny/> (дата обращения: 16.10.2014).
- Два мира одной войны: К 100-летию Первой мировой войны // Государственный музей полит. истории России. URL: <http://www.polithistory.ru/vistavka/10385-dva-mira-odnoy-voyny-k-100-letiyu-pervoy-mirovoy-voynu> (дата обращения: 16.10.2014).
- Дорогами Первой мировой // Калининградский ист.-худ. музей. URL: <https://afisha.yandex.ru/klg/events/923857/> (дата обращения: 16.10.2014).
- Жизнь на войне // Объединенный архив Челябинской области. URL: <http://arhiv74.ru/100-let-so-dnya-nachala-pervoi-mirovoi-voyny-zhizn-provintsii> (дата обращения: 16.10.2014).
- Маркина Т.* От супрематизма до самолета: Главные московские выставки, посвященные Первой мировой // Коммерсантweekend. 2014. № 32. 22 авг. С. 20–22.
- На переломе... Россия в Великой войне, 1914–1918 гг. // Выставочный зал Манежа. URL: <http://moscowmanege.ru/ru/na-perelome/> (дата обращения: 16.10.2014).
- Нагорная О.С., Нарский И.В.* Проигранная война, поиск виновников и тень нацизма: Первая мировая война в немецкой историографии // Рос. история. 2014. № 5. С. 13–26.
- Первая мировая. Последняя битва Российской империи // Государственный исторический музей. URL: <http://www.shm.ru/shows/1743/> (дата обращения: 16.10.2014).

Дата поступления рукописи в редакцию 10.11.2014

REMEMBERING FIRST WORLD WAR IN GERMANY AND RUSSIA: COMMEMORATIVE EXHIBITIONS BETWEEN HEROISM AND HUMANISM

O. S. Nagornaya

South Ural Institute of Management and Economics, Komarovskogo str., 9a, 454052, Chelyabinsk, Russia
nagornaja.oxana@mail.ru

The essay analyzes the transformation of cultural memory of the negative war experience in contemporary societies on the basis of the concepts and materials of museum exhibition projects created to commemorate the 100th anniversary of the First World War in Russia and Germany. In both countries, museum commemoration depends on public discourse, and the absence of living event witnesses allows to attribute the values convenient and understandable for the contemporary generation to the events of the war. In Russia, the process of commemoration is facilitated by the use of the outdated expression of ‘a forgotten war’. The semantic and visual shift of accents allows to portray the First World War as no longer a symbol of the revolutionary Soviet era’s beginning, but as a symbol of violent and tragic decline of the Russian Empire. The transmitted patterns of interpretation and the principles of creating of museum projects diverge to opposite directions in Russia and Germany. While in Western Europe subjective experiences of the representatives of different ethnic, social and gender groups are being brought to the fore of the war commemoration (that may be explained by predominant use of the results of “anthropological turn” in History Studies), Russian museum projects follow the route of persistent glorification of negative experience and the exclusion of global perspectives, often draw back the anti-human nature of the war and emotional experiences of the civilian population, and thereby render the militarized discourse divergent from the post-heroic paradigm of European cultural memory.

Key words: The First World War, museum exhibitions, cultural memory, anniversary commemoration.

References

- 14–Menschen–Krieg. *Militaerhistorisches Museum der Bundeswehr*. URL: <http://www.mhmbw.de/index.php/sonderausstellungen/14-menschen-krieg> (data obrashcheniya: 16.10.2014).
- Beil Chr. Der ausgestellte Krieg. Praesentationen des Ersten Weltkriegs 1914–1939. Tuebingen, 2004. 435 S.
- Der Erste Weltkrieg 1914–1918. Ereignis und Erinnerung. Begleitmaterial zur Ausstellung. Berlin, 2004. 63 S.
- Der Erste Weltkrieg. 1914–1918. *Deutsches Historisches Museum*. URL: <https://www.dhm.de/ausstellungen/der-erste-weltkrieg.html> (data obrashcheniya: 16.10.2014).
- Die landes Schatten des Ersten Weltkriegs. Zur Ausstellung «Der Erste Weltkrieg 1914–1918. Ereignis und Erinnerung» im Deutschen Historischen Museum. *Militaergeschichte*. 2004. № 1. S. 4–9.
- Fastnacht der Hoelle. Der Erste Weltkrieg und die Sinne. *Haus der Geschichte Wuerttemberg*. URL: <http://www.krieg-und-sinne.de/startseite/> (data obrashcheniya: 16.10.2014).
- Mosse G. L. Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars. New York, 1990. 264 p.
- Pohl K.H. Darstellung von Zeitgeschichte im Museum. Geschichtstheoretische und museumsspezifische Aspekte. *Die Musealisierung der DDR. Wege, Moeglichkeiten und Grenzen der Darstellung von Zeitgeschichte in stadt- und regionalgeschichtlichen Museen* / K. Hammerstein u.a. (Hg.). Berlin, 2012. S. 54–71.
- Schaefer H. Alltagsgeschichte im geteilten Deutschland. Zur Konzeption und Darstellung im Haus der Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. *Probleme der Musealisierung der doppelten deutschen Nachkriegsgeschichte* / B. Faulenbach, F.-J. Jelich (Hg.). Essen, 1993. S. 47–53.
- Thiemeyer Th. Fortsetzung des Krieges mit anderen Mitteln. Die beiden Weltkriege im Museum. Paderborn, 2010. 367 S.
- Winter J. Remembering War. The Great War between Memory and Historia in the Twentieth Century. New Haven, London, 2006. 352p.
- Zuendorf I. Vitrine oder Wuehltisch. DDR □ Alltagsgeschichte in Museum. *Die Musealisierung der DDR. Wege, Moeglichkeiten und Grenzen der Darstellung von Zeitgeschichte in stadt- und regionalgeschichtlichen Museen* / K. Hammerstein u.a. (Hg.). Berlin, 2012. S. 96–109.
- Dorogami Pervoy mirovoy. *Kaliningradskiy ist.-khud. muzey*. URL: <https://afisha.yandex.ru/klg/events/923857/> (data obrashcheniya: 16.10.2014).
- Dva mira odnoy voyny: K 100-letiyu Pervoy mirovoy voyny. *Gosudarstvennyy muzey poli-ticheskoy istorii Rossii*. URL: <http://www.polithistory.ru/vistavka/10385-dva-mira-odnoy-voyny-k-100-letiyu-pervoy-mirovoy-voyny> (data obrashcheniya: 16.10.2014).
- Markina T. Ot suprematizma do samoleta: Glavnye moskovskie vystavki, posvyashchennye Pervoy mirovoy // Kommersantweekend. 2014. 22 avg. № 32. S. 20–22.
- Na perelome... Rossiya v Velikoy voyne, 1914–1918 gg. *Vystavochnyy zal Manezha*. URL: <http://moscowmanege.ru/ru/na-perelome/> (data obrashcheniya: 16.10.2014).
- Nagornaya O.S., Narskiy I.V. Proigrannaya voyna, poisk vinovnikov i ten' natsizma: Pervaya mirovaya voyna v nemetskoy istoriografii // Ros. istoriya. 2014. № 5. S. 13–26.
- Pervaya mirovaya. Poslednyaya bitva Rossiyskoy imperii. *Gosudarstvennyy istoricheskij muzey*. URL: <http://www.shm.ru/shows/1743/> (data obrashcheniya: 16.10.2014).
- Vzglyani v glaza voyny // Novyy manezh. URL: <http://moscowmanege.ru/ru/vzglyani-v-glaza-voyny/> (data obrashcheniya: 16.10.2014).
- Zhizn' na voyne. *Ob'edinennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti*. URL: <http://arhiv74.ru/100-let-so-dnya-nachala-pervoi-mirovoi-voyny-zhizn-provintsii> (data obrashcheniya: 16.10.2014).